

Похвала "гарикам"

Культура, — 1999, — № 17 нояб., — с. 9

В середине ноября в Театре эстрады состоится очередной в России концерт известного поэта и писателя Игоря ГУБЕРМАНА. "Гарики" Губермана — это четверостишия лирико-философского содержания. На них невозможно написать пародию, ибо они самопародийны в основе своей. Игры ума в них, как правило, такой избыток, что пытаться переиграть автора будет бессмысленным и неблагодарным занятием.

— Игорь Миронович, вы по-прежнему остаетесь верны избранной вами литературной форме? Не собираетесь ли ей изменить?

— Нет, нет! Это единственный приемлемый для меня способ выражения. Как в России, так и в Израиле. Они сочатся сами и, родившись, живут сами по себе. Я к этому имею очень малое отношение. А знаете, пишущие японцы, дожившие до определенного возраста, полностью меняют литературный жанр. Мне это не грозит. На своем концерте я читаю старые и новые "гарики", которые публика еще не знает.

В своем обращении к читателю книги "Гарики на каждый день" автор утверждает: "Ее не следует читать в надежде на советы и рецепты, ибо умному они не нужны, а другу не помогут. Может быть, эту книгу вообще не следует читать. Но иметь ее дома под рукой — необходимо".

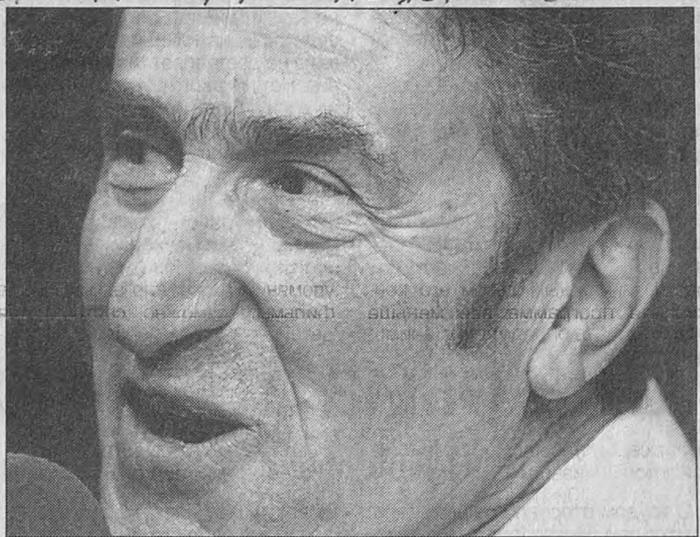
"Гарики" живут везде, в шутках знакомых, в атмосфере хорошего застолья, их надо только найти или, пользуясь словами автора, "украсть" — в том смысле, в каком говорил Мольер: "Я беру свое добро там, где его нахожу".

"Гарики" бывают острые, горькие, соленые, перченые, колючие. Но это отнюдь не эпиграммы.

— Сейчас вышла 4-томная антология эпиграмм, начиная с древних греков и римлян, — рассказывает Игорь Миронович. — Целый том посвящен российской эпиграмме. Открывается он Пушкиным. Когда я начал ее читать, я поразились наглости составителей: чтобы придать антологии больший объем, к разряду эпиграмм они отнесли эпиграфии, застольные шутки. Удивившись этому, я почувствовал, что здесь будут и мои стихи. И на самом деле они поместили множество моих стихов, моих "гариков", озглавив соответствующим образом — "Из книги эпиграмм". Но это не эпиграммы, поверьте мне. Я на это хамство плевал бы. Но увидав первые свои стихи воспроизведенными в сборнике по памяти, не в рифму, я готов был бежать, звонить кому-то, даже набить морду. Они были настолько текстуально испакосены, что стыдно было читать.

А вообще Игорь Миронович — человек нежадный. Он не против, чтобы и у него безвозмездно брали, но по-умному, благородно, как он сам: "Пожалуйста, берите у меня все что угодно, что вы переварите, и все, что вам пригодится!"

— При всей своей оригинальности губермановские "гарики", вероятно, не возникли на пустом месте. Игорь Миронович, каковы ваши литературные авторитеты?

— Человек я, совсем не признающий авторитетов, но все же назову: Омар Хайям, Заболоцкий, Саша Черный, Дон Аминадо.

— А из прозаиков?

— Платонова обожаю, Зощенко читаю, сейчас читаю с удовольствием и удивлением Пелевина и многого от него жду.

— Вы, наверное, помните слова Зощенко, что писатель с перепуганной душой — это потеря квалификации?

— Совершенно верно, и вся советская литература — тому пример.

— А у вас никогда не было признаков этой "перепуганности души"?

— Нет! Я очень благодарен этому своему свойству. В общем-то, дурачком. Потому что мозг дан человеку для выживания, и он должен проявлять опасливость. Мне очень помогли мои легкомыслие и беспечность, я даже в тюрьме и во время следствия написал целый цикл стихов "Камерные гарики".

— Расскажите, пожалуйста, об основных событиях вашей жизни в эмиграции.

— Перед отъездом я писал толстый роман "Штрихи к портрету". Я восстановил жизнь замечательного человека, художника, поэта, журналиста Николая Бруни. Приехав в Иерусалим, я написал много стихов: "Первый Иерусалимский дневник", "Второй Иерусалимский дневник", "Третий Иерусалимский дневник". Четвертая книжка называется "Закатные гарики". За десять лет написано не меньше стихов, чем я написал в России за все предыдущие годы. А еще я написал "Пожилые записки".

Я очень много езжу на гастроли: в Америке ежегодно объезжаю городов пятнадцать — двадцать, раз в год бываю в Германии, в десяти — двенадцати городах, два года назад был в Австралии, только что у меня были концерты в Париже и Амстердаме, раз в год приезжаю на гастроли в Россию.

— Как реагируют на ваши выступления русскоязычные жители разных стран?

— Лучшее российской аудитории нигде нет. Сравнима она разве только с германской, потому что в Германию уехало, потянувшись за детьми, очень много инженеров, гуманитариев, юристов, врачей, учителей лет 50 — 55, моих слушателей. Они живут там в золотой клетке, на полном обеспечении, но им там абсолютно нечего делать. Тормозят они чудовищно. Аудитория эта безумно благодарная, очень слышащая звук, слово, шутку.

— Что изменилось в нашей стране со времени вашего отъезда?

— Я писал уже об этом в своих "Пожилых записках": "Представьте

себе огромный исправительно-трудовой лагерь. В нем есть жилая зона и есть какая-никакая зона промышленная (весь труд исправляет), есть поселок для надзорсостава, всяческие караулки, склады и казармы. Только вдруг в одно прекрасное утро часовые сходят с вышек, и начальник лагеря объявляет свободу. Конечно же, зеки в растерянности, а когда они в себя приходят, вокруг кипит уже другая жизнь. Продукты все в столовой разворованы и спрятаны, уже промышленная зона чуть ли не вся распродана на сторону (и едут из соседних деревень покупать остатки по дешевке, ибо краденое и дармовое). В бывшем карцере — типография газеты "На свободе с чистой совестью", а выпускает ее бывший надзиратель карцера, еще вчера зверь и садист, а ныне — эссеист, мыслитель и борец за гражданские права. В казарме наскоро налажено портновское производство из украденной на складе зековой одежды. Перешивкой ведает бывший комендант казармы, ему ближе и с руки пришлось это строение оформить на себя. Оружие всюю распродается по соседним деревням, а на машинах лагерных привозится продовольствие, поскольку пить-есть надо, а в чьих руках эти машины — догадаться трудно. Паханы уголовных сговорились запросто с начальником лагерного гаража, так что все оформлено на трудовой коллектив. А их шестерки бывшие и шелуповы их прилебательская из уголовников помельче — все в охране и почти ничем от бывших сторожевых псов не отличаются (разве что галстуками, когда едут в соседние деревни). И опять всех тяжелее простому трудяге-зеку, потому что все поделено между надзорсоставом бывшим и огромной уголовной шоблой. И хоть разборки между ними и случаются, но общий язык они все-таки находят, ибо психология у них одна и та же".

Вот, похоже, именно такое и случилось на необозримых просторах бывшего лагеря мира, социализма и труда. А чем продолжится — гадать не берусь. Светлые штрихи картины этой я намеренно не упоминаю, хотя их, могу сказать уверенно, гораздо, несравненно больше. Потому что это все-таки свобода, лучшего для человека состояния и сам творец не сочинил, а знает — образуется и жизнь.

Беседу вела
Екатерина ЮДИНА

Концерт состоится 18 ноября. Начало в 19.00 в Московском государственном театре эстрады. Справки по телефону: 959-0550, 959-0456 (касса)